

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления

Устав 1863 г. считался вершиной университетского законодательства XIX в. В статье рассматриваются полномочия коллегияльных университетских органов власти (совета, правления, факультетских собраний, академического суда) и в то же время детально излагаются полномочия министра народного просвещения, попечителей учебных округов, высшей университетской администрации (ректора, проректора (инспектора), что позволяет констатировать ограниченное самоуправление Императорских университетов, урезанную автономию.

Ключевые слова: Императорский университет, устав 1863 г., процесс законотворчества, юридические уловки, регламентация правового статуса; министр народного просвещения, попечитель учебного округа, ректор, проректор (инспектор), деканы; органы университетского самоуправления (совет, правление, факультетские собрания, академический суд); университетская корпорация, «академическое сословие», «ученое сословие», «ученая и учебная деятельность»; баллотирование.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

The University Charter of 1863: Limits of the Academic Self-Government

The Charter of 1863 was considered to be the top of the University legislation of the XIX century. In the article powers of joint University authorities (the Council, the Board, faculty meetings, the Academic Court) are considered and at the same time are presented in detail powers of the Minister of national education, trustees of the educational districts, the Higher University administration (the Rector, the Vice-Rector (inspector) that allows to state a limited self-government of the Imperial Universities, limited autonomy.

Keywords: the Imperial University, the Charter of 1863, a lawmaking process, legal tricks, regulation of the legal status; the Minister of national education, a trustee of the educational district, Rector, Vice-Rector (inspector), Deans; boards of University self-government (the Council, the Board, faculty meetings, the Academic Court); University corporation, "the academic estate", "the scientific estate", "scientific and educational activity"; balloting.

В 1863 г. университеты России в очередной – третий – раз с начала XIX в. получили возможность приступить к реформированию своей научной и учебной деятельности, к совершенствованию механизма управления академическим процессом, к обновлению на новых юридических основаниях своих финансовых, административных и судебных функций. Это произошло потому, что в июне 1863 г. были Высочайше утверждены общий Устав и штаты Императорских российских университетов.

Принятие нового университетского устава последовало непосредственно за обнародованием крестьянской реформы и предшествовало всем прочим Великим преобразованиям 60–70-х гг. XIX в.: судебной, земской, городской, военной реформам, а также кардинальным переменам средней и начальной школы. Такое пристальное внимание правительства к «университетскому вопросу» свидетельствовало о первостепенной значимости университетов в готовившейся политике коренного обновления России, где перспек-

тивы просвещения и подготовки высококвалифицированных научных кадров выдвигались на первый план.

Приоритетность решения задач, связанных с осуществлением университетской реформы, была по достоинству оценена прогрессивно мыслящими слоями российского общества, которые с отменой прежних «стеснений» в работе университетов и расширением прав «академического сословия» связывали свои надежды на укрепление научного потенциала, поступательное культурное развитие своей державы, рост благосостояния соотечественников.

Растянувшийся на пять лет процесс подготовки нового университетского устава заставил их усомниться в наличии у правительства искреннего желания подвергнуть университетский уклад решительной перестройке. Скептическое отношение к готовившимся переменам в университетском «деле» особенно усилилось, когда подготовку устава взяла в свои руки Строгановская

комиссия, а окончательный вердикт выносил Государственный совет.

Действительно, имперской бюрократии удалось лишить готовившийся устав его передового лоска – наиболее радикальных черт, самых смелых инициатив, новаторских идей, благодаря осуществлению которых российские университеты смогли бы обогнать европейские страны в деле постановки высшего образования [16, с. 311]. Тем не менее, университетский устав все же стал уникальным явлением в отечественной культуре. На какое-то время он заставил забыть об административных ограничениях и полицейском произволе николаевской эпохи, узаконил позитивные изменения в «университетском вопросе», появившиеся в академической жизни с воцарением Александра II, дал университетам ту правовую устойчивость, благодаря которой юридический статус «первого ученого сословия» заметно окреп, а научная деятельность и учебный процесс получили дополнительную финансовую поддержку в соответствии с потребностями времени.

Эти принципиальные стороны нового университетского устава, выгодно отличавшие его от двух предыдущих – уставов 1804 и 1835 гг. – дают основания многим современным авторам выражать в его адрес хвалебные отзывы и называть «самым либеральным» в дореволюционной России [13, с. 50; 14, с. 199].

Не стремясь оспаривать этого мнения, мы все же считаем необходимым подвергнуть университетский устав 1863 г. более пристальному изучению, а читателю предоставить возможность оценить его истинные достоинства и обнаружить наиболее уязвимые позиции.

Новый университетский устав, как и его предшественник николаевского царствования, Высочайшей волей объявлялся общим – его законодательная сила распространялась на пять из семи существовавших в то время университетов Российской империи: Московский, С.-Петербургский, Казанский, Харьковский и Киевский¹.

Все они находились в ведении («под главным начальством») министра народного просвещения и «вверялись попечителю учебного округа» [2, § 3]².

Упоминание попечителя в одном из первых параграфов устава заставляет нас насторожиться и при характеристике функций университетских органов власти прежде всего выяснить место этого министерского соглядатая в системе управления университетами. К этому нас обязывает и сравнительный анализ устава 1835 г. с новым

университетским законодательством: восьмой параграф николаевского устава [«Каждый университет под главным ведением министра народного просвещения вверяется особому начальству попечителя» – 1, § 8] почти дословно заимствован уставом 1863 г., и если эта формулировка прежде позволяла попечителю стянуть все бразды правления в свои руки [12, с. 367], то не помешают ли полномочия, санкционированные новым уставом, вновь превратиться попечителю в истинного хозяина университета. Попробуем в этом разобраться.

Третья глава университетского устава 1863 г., расположенная после второй главы «О факультетах» и перед четвертой главой «О ректоре», определяет статус попечителя. Он облечен правом принимать «все нужные, по его усмотрению, меры, чтобы принадлежащие к университету места и лица выполняли свои обязанности...» (гл. III, § 26, п. 1). Таким образом, его главная функция заключалась в осуществлении общего контроля за выполнением администрацией, профессорами и прочими преподавателями, студентами и слушателями, а также всеми служащими университета их непосредственных обязанностей, определенных уставом, и при обнаружении нарушений вводимых правил или уклонении от их выполнения – в применении мер воздействия, направленных на водворение должного порядка и привлечение виновных к исправному выполнению порученных им видов деятельности. Попечителю отводилась также важная роль в улаживании конфликтов, возникавших в профессорской среде, во взаимоотношениях коллектива преподавателей и студентов с университетской администрацией, а если это превышало объем предоставлявшейся ему власти, он мог подключить к разбору академических проблем министра народного просвещения (§ 26, п. 3). Кроме того, попечитель имел право, когда считал это нужным, вносить в университетский совет предложения, направленные на усовершенствование правил распорядка и деятельности университета, а также всего подвластного ему учебного округа (§ 26, п. 2; гл. V. Отд. I, § 43). В чрезвычайных случаях он мог прибегнуть к расширению вверенных ему полномочий, незамедлительно уведомив об этом своего непосредственного начальника – министра (§ 26, п. 1).

На первый взгляд кажется, что перечень полномочий попечителя, обозначенный в одном лишь параграфе третьей главы, довольно скромный: о его прямом вмешательстве в дела университет-

ских органов самоуправления не говорится ни слова, правила взаимодействия с университетской корпорацией обстоятельно не оговорены, набор санкций, при помощи которых он мог бы противопоставить свой авторитет университетской коллегии, отсутствует. Но эта расплывчатость формулировок устава только неискушенному в юридических уловках читателю могла бы показаться искренним намерением законодателя существенно ограничить вмешательство попечителя в организацию университетского уклада жизни. Люди, знакомые с процессом законотворчества в Российской империи, особенно профессора юридических отделений университетов, не страдали от иллюзий на этот счет. Б. Н. Чичерин, к примеру, откровенно выражает свое отношение к законодательному статусу попечителей в следующем комментарии: «Власть попечителя намеренно осталась несколько неопределенной для того, чтобы в случае нужды можно было придать ей нужную силу», и далее он резюмирует: «...попечитель оставался высшим руководителем» [10, с. 57]. Ради пользы вверенного ему учреждения он мог выдвигать университетской корпорации требования законного характера, а поддержка министра народного просвещения позволяла ему в любой ситуации, не исключая и конфликтов с органами университетского самоуправления, сохранять свое достоинство [10, с. 210].

Создать более полное представление о функциях попечителя мы сможем после более тщательного изучения текста устава 1863 г. О полномочиях попечителя сообщает практически каждая из двенадцати его глав, но информация, как будто нарочно, «рассыпана» по всему университетскому законодательству, и нужно проявить немало терпения и желания, чтобы ее обнаружить. Таким образом, в уставе 1863 г. мы впервые сталкиваемся с новым изобретением законодателей – укрытием важной информации за толщей юридических норм документа. По всей видимости, этот прием отказа от «прозрачности» формулирования правовых ситуаций свидетельствовал о зарождении нового стиля ведения отечественного делопроизводства, когда «фасад» документа приобретал тот вид, который отвечал бы запросам и чаяниям общества, в данном случае – участников дебатов по университетской реформе. словно подстраиваясь под настроения общества и уступая общественному мнению, правительство делало вид, что требования заинтересованных лиц услышаны, но на деле поступало так, как этого требовали государственные

интересы, традиции управления и регулирования деятельности государственных учреждений.

Отказавшись от регламентации правового статуса попечителя в специально отведенной для этого главе, устав 1863 г. «разбросал» его полномочия по другим разделам, регулировавшим статус органов университетского самоуправления и членов университетской корпорации, тем самым закамуфлировал права государственного чиновника, отвечавшего перед правительством за порядок и законность действий во вверенном ему учебном заведении, но не отстранил его от университетских дел.

Попечитель контролировал выполнение полномочий ректором, которому принадлежало «ближайшее управление университетом» (гл. I, § 4). Принятие ректором чрезвычайных мер, в важных и не терпящих отлагательства обстоятельствах, должно было получить санкцию попечителя (гл. IV, § 29). Предоставление ректором отпусков преподавателям и «прочим лицам, состоявшим на службе при университете», если положенное им право на ежегодный отпуск требовалось осуществить не в рекомендованный период вакансий, а в другие сроки, или если испрашивался отпуск на более продолжительный период, чем 29 дней, узаконенных для этой цели, должно было пройти согласование с попечителем (гл. IV, § 32). Через попечителя ректор направлял ходатайства в министерство о награждениях преподавателей и служащих при университете (гл. IV, § 34). Ректор должен был доводить до сведения попечителя свои намерения об увольнении преподавателей, уличенных им «в неисправности или неправильных действиях» (там же). На усмотрение попечителя предлагалось принятие решений по таким важным для учебного процесса вопросам, как назначение преподавателей и других служащих в университете лиц, кроме профессоров (гл. V. Отд. I, § 42. Б. № 2–4, 6), утверждение смет по хозяйственным расходам (гл. V. Отд. II, § 51. в. № 3–5), освобождение от платы за обучение и назначение пособий нуждавшимся студентам (гл. V. Отд. II, § 51. в. № 1,2).

Все дела, предназначенные для рассмотрения министром народного просвещения, передавались только через попечителя (гл. V. Отд. I, § 48); даже ректор, утверждавшийся «в этом звании Величайшим приказом» (гл. IV, § 27), мог «входить с представлениями» исключительно через попечителя (гл. IV, § 30; гл. XII, § 125).

Попечитель утверждал все правила внутреннего распорядка, которые устав разрешал разра-

бывавать каждому университету, исходя из «местных условий и требований»: о порядке производства испытаний на ученые степени (кандидата, магистра, доктора) (гл. IX, § 110; гл. V, § 42. В. № 6); о приеме студентов и допущении посторонних слушателей в университеты; об обязанностях учащихся (гл. V, § 42. Б. № 8, б–г); о ведении делопроизводства в университетском суде (гл. V, § 42. Б. № 8, е; гл. V, § 59), об обязанностях проректора (или инспектора) по отношению к студентам (гл. V, § 42. Б. № 7; гл. VI, § 66); о порядке распределения средств за посещение лекций (гл. V, § 42. Б. № 8, а; гл. VIII, § 109). Эти правила регулировали внутреннюю жизнь университета, которая, таким образом, оказывалась подконтрольной попечителю при специально создававшейся видимости отстраненности его от непосредственного вмешательства в управление университетом.

Совет университета, самым своим существованием символизировавший наличие внутриуниверситетского самоуправления, всегда работал под присмотром попечителя и министра просвещения. Все полномочия университетского совета делились на три категории дел: только первая категория дел (10 направлений) подлежала рассмотрению и утверждению самим советом; вторая (8 направлений) представлялась на утверждение попечителя; третья (6 направлений) – через попечителя поступала на утверждение министра (гл. V, § 42. А; Б; В).

Попечитель утверждал проректора (или инспектора) и визировал инструкцию для его действий (гл. V, § 42. Б. № 7, гл. VI, § 63). В зависимость от него были поставлены даже «меры и средства к усилению ученой деятельности университета» (гл. V, § 42. Б. № 1). Он следил за всеми направлениями работы университета по протоколам заседаний совета, ни один из которых не мог быть напечатан без утверждения попечителем его содержания (гл. V. Отд. I, § 47). Это позволяло попечителю знать жизнь университета во всех подробностях.

Таким образом, устав не только позволял попечителю наблюдать за исправной деятельностью органов власти университета, представителей «ученого сословия», служащих и учащихся – закон разрешал ему направлять и подправлять, а значит, и вмешиваться в административную, судебную, финансово-хозяйственную, научную и учебную жизнь университета, которая в свете нового законодательства поручалось совету, правлению, университетскому суду. Поэтому

только от личности попечителя зависело, предавался ли он фанатичному выполнению возложенных на него обязанностей или, доверяя профессорской коллегии, позволял ей самостоятельно участвовать в принятии решений и осуществлять управленческие, экономические и академические функции.

А. В. Головин гордился тем, что попечителями учебных округов он назначил «педагогов-специалистов или администраторов, заявивших свои способности, или ученых, но не военных, имеющих всегда характер полицмейстеров, и не лиц, коих единственная заслуга в богатстве и знатности» [5, № 1, с. 116, 117]. «Известный ученый геолог граф Кейзерлинг» стал попечителем Дерптского учебного округа, «известный административными способностями самарский губернатор Арцимович – попечителем Одесским», «известные педагоги» К. К. Фойгт, Ф. Ф. Витте, Ф. Ф. Стендер – соответственно попечителями Харьковского, Киевского, Казанского учебных округов, А. П. Николаи – помощником попечителя Казанского округа. Тайный советник И. Д. Делянов «был водворен» им в С.-Петербургский округ, и только Московский округ возглавил генерал-лейтенант Д. С. Левшин, выбранный самим императором [5, № 1, с. 116, 117]³.

Комментируя статус попечителя, историк XIX в. подчеркивал: «Власть попечителя... снабжена всей силой для того, чтобы, с одной стороны, удержать университет в пределах, обозначенных уставом, с другой стороны, чтобы ходатайствовать об университете, когда он законно выражает желание условий для дальнейшего своего развития, не определенных уставом» [8, с. 81].

Новый устав заметно расширял права ректора университета, должность которого с 1860 г. вновь стала выборной. Отныне он наделялся представительской, управленческой, административной, исполнительной властью.

В «Общих положениях» устава сказано, что ректору принадлежит «ближайшее управление университетом» (гл. I, § 4); в четвертой главе «О ректоре» за ним закреплена обязанность «ближайшего попечения о благоустройстве университета» (§ 2). Некоторые полномочия ректора почти полностью дублируют прерогативы власти попечителя. Так, попечитель «принимает», а ректор «наблюдает» за тем, чтобы «все нужные, по его усмотрению, меры» заставили исполнять свои обязанности «принадлежащих к университету мест и лиц» (ср. параграфы 26 и 28). Ректору, как

и попечителю, разрешалось «в случаях важных и не терпящих отлагательства», принимать все меры, «хотя бы они и превышали предоставленные ему права», только попечитель должен был о своих действиях доложить министру как непосредственному начальнику, а ректору полагалось поставить в известность совет, правление или попечителя (в зависимости от принадлежности дел) (гл. III, § 26.1 и гл. IV, § 29).

Такое совпадение полномочий, на наш взгляд, не является случайностью. Если раньше статус ректора мог быть определен как «первый среди равных», то по уставу 1863 г. он становился первым по значению должностным лицом университета после попечителя. Об этом свидетельствовали не только его расширенные полномочия, но и пересмотренное в сторону значительного увеличения денежное содержание. С 1862 г. он имел «добавочное жалованье по одной тысяче рублей» [7, с. 416, прим.], а по штатному расписанию 1863 г. – полторы тысячи (в год) [3, с. 48, 49], что, даже при возросшем денежном содержании всех профессоров до трех тысяч рублей, существенно укрепляло его материальное положение и придавало большую независимость при обсуждении университетских дел в совете и правлении.

Вместе с тем, нетрудно заметить, что разрастание полномочий ректора невольно создавало почву для напряженных отношений с попечителем: они могли вступать в конфликт по причине взаимных притязаний на верховную власть в университете, что, в свою очередь, было чревато дестабилизацией внутренней жизни в «рассадниках просвещения», связанной с нарушением баланса сил управленческих структур⁴.

Символом власти ректора была университетская печать, которую ему надлежало «хранить». Все входящие «бумаги», поступившие в университет, предварительно предоставлялись ректору на просмотр. Для ведения делопроизводства университета утверждались секретари канцелярии и совета, которые находились в его непосредственном подчинении (гл. IV, § 30).

Ректор, избиравшийся университетским советом из ординарных профессоров на четырехлетний срок и утверждавшийся Высочайшей властью (гл. IV, § 27), отвечал за «благоустройство университета», под которым понималось следующее: контроль за выполнением академических и административных обязанностей всеми лицами, принадлежавшими к университетским штатам, а также инспектирование учебного процесса по факультетам с целью проверки точного

соблюдения объема преподавания научных дисциплин и их соответствия утверждавшимся на факультетах программам обучения (гл. IV, § 28, № 1, 2).

Ректор председательствовал в совете университета и правлении, где ему вменялось в обязанности «назначать, открывать и закрывать» их заседания (гл. IV, § 31; гл. V, § 44), «охранять порядок и руководить прениями», подсчитывать голоса в процедуре баллотирования [10, с. 172]. Запрещение или прекращение прений «собственной властью» в этих органах университетского самоуправления воспринималось грубым нарушением устава, «актом чистого произвола», хотя на практике могло иметь место [10, с. 173, 174]. Следовательно, ректор был ответственен за точное соблюдение университетского устава всеми преподавателями, сотрудниками и, тем более, администрацией учебного заведения. От имени ректора рассылались уведомления о дате и повестке дня университетского совета. Ректор контролировал явку профессоров на заседания совета и мог пригласить к участию в его работе преподавателей, имевших только совещательный голос (гл. V, § 37–40).

Ректор предоставлял ежегодные отпуска преподавателям и служащим университета, ходатайствовал перед попечителем о награждении наиболее достойных своих подчиненных правительственными наградами⁵ и, напротив, заботясь о добросовестном исполнении каждым преподавателем и сотрудником их профессиональных и служебных обязанностей, делал им замечания и даже выговоры с последующим уведомлением об этих своих действиях органы университетского самоуправления и попечителя (гл. IV, § 32, 34). Однако никого из «провинившихся» он не мог уволить. Решение об увольнении профессоров выносил совет (гл. VII, § 81), а прочих преподавателей и служащих – совет с утверждения попечителя (гл. V. Отд. I. Б. № 6; гл. VII, § 81).

На имя ректора поступали заявления от студентов и слушателей о допуске их к процессу обучения на выбранном факультете, о переводе с одного факультета на другой, «об увольнении из университета». Ректор производил зачисление, перевод, исключение студентов из университета, руководствуясь при этом правилами, регулировавшими данные вопросы, и доводил свои решения до сведения университетского совета (гл. IV, § 33). Он контролировал отношение студентов и слушателей к учебной деятельности и исполнение ими инструкций о правилах поведения; в

случаях, требовавших его участия и вмешательства, мог делать учащейся молодежи замечания и выговоры.

Вместе с деканами факультетов ректор подписывал университетские дипломы (гл. IV, § 34, 35). При болезни или отсутствии ректора его должностные обязанности выполнял проректор или один из деканов по предварительному изобранию совета и утверждению министра просвещения (гл. IV, § 36).

Итак, по новому уставу ректор становился главой университетского самоуправления, находясь при этом в зависимости от попечителя и министра. Полномочия ректора стали обширными, права – многообразными, и, как мы выяснили, они не ограничивались одним лишь «наблюдением» за исполнением каждым его подчиненным его непосредственных обязанностей.

Подробное изложение прав ректора было необходимо не только для конституирования его управленческих функций, но и для законодательного ограничения его власти: он не мог присвоить себе новые правила администрирования и создать «небывалые прежде права» [10, с. 180], которые бы поставили его в совершенно особое положение по отношению к членам «академического сословия». Росту влияния ректора должен был препятствовать университетский совет, но если его большинство состояло из лиц старшего поколения, привыкшего к произволу власть держащих и повиновению начальствующим лицам, то и атмосфера в университете могла становиться гнетущей и невыносимой для университетского меньшинства – требовательных поборников законов, точных исполнителей университетского устава. Им либо приходилось приспосабливаться к несносному окружению, либо бросать ему вызов и уходить в отставку⁶.

Важным достоинством нового университетского устава следует считать возвращение с его помощью Императорским университетам прав внутреннего самоуправления⁷, «которое было введено в них с самого начала их основания и которое составляет необходимое условие самой их жизни» [10, с. 248]. Главным показателем этого долгое время ожидавшегося в академических кругах события стало провозглашенное уставом признание совета профессоров «составной частью университетского управления» (гл. I, § 5). Совет, восстановленный во всех своих правах, которые были нарушены уставом 1835 г. и последующими постановлениями конца 40-х – начала 50-х гг. XIX в., превращался в средоточие уни-

верситетской жизни, в высшую инстанцию для всех остальных органов университетского устройства. Закрепив принцип самоуправления законодательно, устав создал себе репутацию своеговременного документа, так как, по мнению современников, «вопрос о самостоятельности университетов в делах их внутреннего управления составляет один из самых жизненных вопросов, от правильного разрешения которого зависит будущность наших университетов» [8, с. 79].

В ведении совета университета находились следующие категории дел: распределение предметов между факультетами и установление порядка преподавания учебных дисциплин; принятие мер к временному и постоянному замещению вакантных кафедр; распределение по факультетам выделявшихся им на научно-техническое оснащение государственных средств; выбор университетских стипендиатов для подготовки к преподавательской и научной работе; рекомендации для подготовки кандидатов к профессорскому званию и осуществлению зарубежных командировок; рассмотрение диссертаций на ученые степени; утверждение в ученых степенях и в звании действительного студента; назначение стипендий и присуждение премий и медалей за научные труды студентов; принятие решений об опубликовании научных трудов, постановлений университетского суда, финансовых смет (гл. V. Отд. I, § 42. А; гл. II. Отд. II. Б. № 2, 3, 5, 6, 9, 10; гл. VII, § 70, 71). Решения университетского совета по этим делам признавались окончательными, то есть имели силу закона.

Кроме указанной категории дел, которые совет самостоятельно утверждал по представлениям заявок или требований факультетов, он вел и другую категорию дел, решавшихся исключительно с ведома попечителя. Сюда относились меры и средства, направленные на развитие научной деятельности университета; избрание и увольнение доцентов, лекторов, лаборантов, хранителей кабинетов и музеев, а также прочих представителей учебно-вспомогательных и хозяйственных служб университета, до инспектора включительно; допущение приват-доцентов⁸ к чтению лекций; избрание почетных членов университета и чиновников университетских канцелярий⁹; избрание судей и кандидатов в университетские судьи; издание инструкций для руководства деятельностью проректора (или инспектора). Попечитель утверждал также принятые советом правила, регулировавшие внутреннюю жизнь каждого университета: а) о порядке визи-

мания, распределения и употребления сумм, собиравшихся со студентов и слушателей за посещение лекций; б) о приеме студентов в университет; в) о допущении посторонних лиц к слушанию лекций; г) об обязанностях учащихся, определенных дисциплинарным уставом, и о правилах поведения в университете; д) о взысканиях за нарушение студентами установленных обязанностей и порядка; е) о делопроизводстве в университетском суде (гл. V. Отд. I, § 42. Б).

Особо важные дела, обсуждавшиеся на совете университета, через попечителя шли на утверждение министра народного просвещения. К их числу относились следующие: избрание и увольнение ректора, деканов, проректора (или инспектора), а также профессоров; разделение факультетов на отделения; соединение или разъединение кафедр; замена одних кафедр другими; определение перечня обязательных для студентов предметов изучения; утверждение проектов уставов ученых обществ и правил испытаний на ученые степени; принятие решения о командировании стипендиатов – кандидатов и магистров – за границу (гл. V, § 42. В).

Совет представлял протоколы своих собраний попечителю (гл. V. Отд. I, 47). Полный годовой отчет о деятельности университета печатался в «Журнале Министерства народного просвещения» и предоставлялся министру (гл. V. Отд. I, § 48).

Таким образом, совет университета вернул свои права самостоятельно решать все научные, учебные, административно-финансовые вопросы, хотя и избавиться от полного контроля за его деятельностью со стороны попечителя, а также министра народного просвещения, не смог.

Дела в совете решались большинством голосов; при равенстве числа голосов перевес одной из сторон давало мнение председателя совета, то есть ректора (гл. V. Отд. I, § 45). В делах совета, «восходящих на утверждение начальства», устав разрешал прилагать и мнение меньшинства совета (§ 45, прим.).

Это дополнение профессорами юридических факультетов воспринималось как одно из самых значительных нововведений устава 1863 г. Обнажение процедуры голосования, с одной стороны, было важно для министра просвещения – при отсутствии «единодушия и единомыслия» в профессорской среде ему следовало быть более внимательным к утверждению в должности и звании избравшихся кандидатов и, вместо формальной подписи на документе, ему предстояло

взвесить доводы противной стороны, забаллотировавшей претендентов, прежде чем принять окончательное решение¹⁰. Наличие протоколов, отражавших мнение меньшинства совета, могло облегчить министру тяжелую долю выбора, так как, располагая сведениями обо всех достоинствах и недостатках кандидатов, он лишался оснований для колебаний.

С другой стороны, оказавшаяся в меньшинстве группа профессоров могла получить удовлетворение хотя бы от осознания того, что совет приветствует свободу мнений, где каждый «по совести» исполняет свои обязанности и голос каждого имеет самостоятельное значение. В противном случае, у членов «партии меньшинства» появлялась обида от ущемления «неотъемлемого права при решении каждого рода дел высказывать свое мнение» и страх перед произволом «партии большинства», оскорблениями и «цензурой председателя» [10, с.177, 179, 181, 185, 202, 207].

Баллотирование, или тайная подача голосов, была предусмотрена в четырех случаях: 1) при избрании на должность профессоров и прочих преподавателей, университетской администрации, представителей «учебно-вспомогательных учреждений», чиновников по административно-хозяйственным и дисциплинарным вопросам; 2) при продлении срока преподавательской деятельности профессора, прослужившего в университете двадцать пять лет и достигшего пенсионного возраста, причем, «на каждое новое пятилетие»¹¹; 3) при утверждении кандидатур профессорских стипендиатов, получивших рекомендации обучаться за границей; 4) при обсуждении вопросов «чрезвычайного характера», выдвинутых для обсуждения по крайней мере десятью членами совета (гл. V. Отд. I, § 38, 46).

При избрании на должность требовалось получить в совете абсолютное большинство голосов (хотя бы в результате повторного голосования) (гл. VII, § 70, прим. 1 и 2).

При баллотировании профессоров, прослуживших четверть века, по новому уставу требовалось заручиться не простым большинством, как раньше, а двумя третями голосов совета, причем, каждый раз, когда профессор заявлял о своем желании пролонгировать выполнение обязанностей преподавателя¹². В противном случае кафедра становилась вакантной (гл. VII, § 78).

Полномочными членами совета были все ординарные и экстраординарные профессора университета. С правом совещательного голоса на заседания совета ректором могли приглашаться

доценты и другие преподаватели: от них требовалось давать объяснения по запросам присутствовавших или выражать свое мнение по отдельным вопросам (гл. V. Отд. I, § 37). Обязанностью всех членов совета было регулярное участие в его заседаниях. При отсутствии возможности почтить своим присутствием совет профессор должен был поставить в известность ректора, письменно известив его о том, кому – в случае баллотирования – он передаст свой шар для голосования (§ 39, 40).

Совет должен был собираться на заседания один раз в месяц; в чрезвычайных ситуациях эта периодичность нарушалась¹³, так как ректор мог собрать коллегии профессоров и «по мере надобности» (§ 38).

На заседаниях совета всегда преобладали профессора физико-математического и медицинского факультетов [10, с. 80], где штатами были предусмотрены 32 профессорские ставки, а на юридическом и на историко-филологическом – только 25 (гл. II. Отд. II, § 13–17), поэтому добиться справедливого решения при голосовании было непросто, особенно если речь шла о выборе на новый пятилетний срок состарившегося и достигшего пенсионного возраста кандидата. Как правило, его научные заслуги не всегда превращались в «козырную карту»: конкуренция, «подсизивание», сведение старых счетов, а не только польза дела, любовь к просвещению, слава учебного заведения, были мотивами поведения собравшихся – ими они руководствовались, выбрасывая против нелюбимого сослуживца черные шары. Были и прямо противоположные случаи, когда «никуда не годного профессора, которого всякий человек, имевший малейшее понятие о народном просвещении, рад был бы сбить с рук при первом удобном случае» [10, с. 169], оставляли на новый срок лишь по одной причине – его принадлежности к «большинству», возглавляемому ректором.

Возвращение университетам права самоуправления воодушевило членов совета на серьезное и ответственное выполнение своих служебных обязанностей. Обсуждение любого вопроса затягивалось на три-четыре часа¹⁴, хотя собрания созывались обычно два раза в месяц [6, с. 361, 365, 366]. С наибольшим жаром и неизбежными размолвками происходило решение проблемы пополнения профессорской коллегии: возникавшие в ходе выборов дискуссии и ссоры, как правило, были вызваны превратным толкованием университетского устава¹⁵.

Для борьбы с мелкими интригами и равнодушием к академическим делам, равно как и для ограничения самоуправления членов совета, составители устава предусмотрели два, как им казалось, действенных средства: отчетность и гласность [8, с. 84], но, как мы это продемонстрировали, культура поведения профессоров в совете еще не оформилась, поэтому и избежать межличностных конфликтов было невозможно.

Многие участники совета одновременно являлись и членами университетского правления, председателем которого был ректор. В правление входили деканы всех факультетов и проректор, избиравшийся на три года из профессоров и утверждавшийся в этой должности и попечителем, и министром народного просвещения (гл. V. Отд. I, § 42. Б. № 2; Отд. II, § 50; гл. VI, § 64). Если никто из профессоров не отваживался выполнять обязанности проректора, важнейшей из которых являлся полицейский контроль за студентами и слушателями (гл. VI, § 63), то эти властные полномочия перекладывались на инспектора. Его избирали на университетском совете из чиновников, «окончивших полный университетский курс» (гл. V. § 42. Б. № 2; § 42. В. № 1; гл. VI, § 63, 65). Должность инспектора была бессрочной, а его кандидатура также утверждалась попечителем и министром¹⁶. Инспектор был членом правления «с правом голоса только по делам студенческим» (гл. V. Отд. II, § 50).

Обязанности правления университета изложены в параграфах 52 и 53. Правление распоряжалось государственными средствами, ежегодно поступающими из казны на содержание университета, и, кроме того, – собственными доходами университета, которые составляли его специальные средства¹⁷. Оно также «распоряжается ими, согласно со штатом и сметой; выдает стипендии и пособия; заключает условия на подряды и производит выдачи, наблюдая в отношении как расходования сумм, так и отчетности в оных, порядок... наблюдает за благочинием и порядком в зданиях университета, за содержанием их в чистоте и исправности и за предохранением их от порчи и пожара».

Таким образом, правлению поручалось выполнение хозяйственных и распорядительных функций, которые, в свою очередь, контролировались университетским советом (§ 42. А. № 10). Он же утверждал смету ежегодных доходов и расходов специальных средств университета (гл. V. Отд. II, § 51.б).

Компетенция правления, кроме хозяйственно-экономических вопросов, простиралась еще и на студенческую жизнь: распределение пособий между нуждавшимися в оказании материальной помощи студентами, освобождение студентов от платы за посещение занятий и постой (гл. V, § 51.в) № 1, 2); наложение взысканий на провинившихся студентов и предоставление нарушителей университетского устава и правил суду (гл. V, § 51. а) № 3, 4).

Наиболее важные дела, например связанные с управлением университетской собственностью, утверждением сверхштатных расходов, заключением контрактов на крупные суммы, подлежали рассмотрению в совете, утверждению попечителя и министра народного просвещения (гл. V, § 51. б, в, 3–5, г).

По уставу 1863 г. восстанавливалась деятельность университетского суда (гл. V. Отд. III), но он учреждался на новых началах, отличавшихся от устава 1804 г., впервые предоставившего университетам судебную власть. Не желая создавать дублирующие судебные инстанции и, напротив, содействуя уничтожению привилегированных юрисдикций, Министерство народного просвещения разрешило университетскому суду рассматривать исключительно одни только дисциплинарные дела студентов [7, с. 418].

Ведению университетского суда подлежали две категории дел, которые передавались ему на рассмотрение из правления: о нарушениях студентами порядка, предусмотренного «особыми правилами» университета, и о столкновениях между студентами и должностными лицами университета (даже «если они произошли вне зданий и учреждений университета») (§ 58).

Взыскания, налагавшиеся на студентов, нарушивших в зданиях университета установленный порядок, не предусматривались «общим» уставом, а отдавались на усмотрение университетских советов и попечителей (гл. V, § 59).

Университетский суд состоял из трех избранных советом университета и утвержденных попечителем профессоров; на случай их болезни или временного отсутствия избирались также и кандидаты. Один из судей обязан был иметь юридическое образование, и на него во время университетских судебных слушаний возлагались обязанности председателя (гл. V, § 56, 57). Важнейшие приговоры суда подлежали утверждению советом (гл. V. Отд. I, § 42. А. № 10), менее значительные рассматривались правлением (гл. V. Отд. II, § 51. а) № 3, 4).

Полицейская и инспекторская власть как над студентами, так и над слушателями возлагалась на проректора или на инспектора. Тот и другой действовали на основании выработанной советом инструкции (гл. VI, § 66).

В помощь проректору (или инспектору) назначались несколько помощников-субинспекторов, наблюдавших за соблюдением установленного порядка внутри университета (гл. VI, § 67), а для ведения документации – секретарь по студенческим делам (гл. V, § 60; гл. VI, § 67).

Таким образом, устав 1863 г. устранил самоуправство инспекции и ликвидировал порядки, особенно сильно раздражавшие студентов¹⁸. Дисциплинарный регламент, распространявшийся на студентов, ограничился установлением надзора за тем, чтобы учащиеся исполняли установленные правила: «о порядке в университете», «о взысканиях за нарушения этого порядка». «Учреждение университетского суда, состоявшего из профессоров, – считал А. В. Головнин, – устраняет возможность всякого произвола университетского начальства в отношении к студентам и в основание взаимоотношений студентов и университета кладет начало законности... Нравственное настроение студентов со времени подчинения их университетским коллегиям изменилось к лучшему. [Особенные правила об обязанностях учащихся. – М. Н., Т. П.] во всех университетах... исполняются беспрекословно, и студенты им охотно подчиняются. Если иногда и встречаются случаи нарушения таких правил, то они вообще редки и составляют не более как единичные исключительные явления», – констатировал он [7, с. 104, 105].

Самым эффективным способом предотвращения недовольства со стороны студентов считалось активное вовлечение их в «ученую» и учебную деятельность на факультетах, поэтому новый устав уделил достаточно много внимания усовершенствованию организации управления академическим процессом на факультетах. Они рассматривались «составными частями одного целого» – университета (гл. I, § 1), следовательно, работа каждого факультета выливалась в одно общее дело – повышение уровня преподавания, улучшение научной и учебной работы.

Все вопросы, освещавшие правовой статус факультетов, их органов управления и руководителей, помещены в отделения I и III второй главы устава «О факультетах».

Руководство жизнью факультетов принадлежало «факультетским собраниям», или советам (§ 9, 10).

В ведении совета факультета было принятие мер по совершенствованию учебной деятельности студентов; утверждение программ преподавания учебных дисциплин и требований к конкурсам для занятия вакантных кафедр; одобрение содержания сочинений, рекомендованных к опубликованию в университетской типографии (гл. II. Отд. III, § 23.А). Решения, принятые по этим направлениям деятельности факультетских собраний, не требовали утверждения на университетском совете.

Вторая категория дел должна была пройти утверждение на совете университета. К их числу принадлежали следующие: избрание должностных лиц (декана и секретаря факультета); принятие мер по замещению профессорско-преподавательских вакансий; распределение учебных дисциплин между кафедрами и утверждение порядка их преподавания; вынесение предложений о разделении факультета на отделения, о соединении и разделении кафедр, о замене одних кафедр на другие; рассмотрение суждений о наборе обязательных для изучения студентами предметов; выбор стипендиатов, оставившихся при университете «для подготовки к профессорскому званию»; избрание лиц для осуществления командировок за границу; одобрение диссертаций, представленных на соискание ученых степеней; утверждение заданий на конкурсы студенческих научных работ для соискания премий от университета; распределение штатных средств, предназначенных на учебно-вспомогательные учреждения: кабинеты, лаборатории и др., назначение стипендий и присуждение медалей лучшим студенческим работам (гл. II. Отд. III, § 23. Б; гл. V. Отд. I, § 42. А. № 1–8).

На факультетских собраниях были обязаны присутствовать все ординарные и экстраординарные профессора факультета (гл. II. Отд. I, § 10); при недостаточном кворуме, когда отсутствовало более трети профессоров, собрание не приступало к рассмотрению повестки дня (гл. II. Отд. III, § 24). Наряду с профессорами, один из которых выполнял обязанности секретаря, на собрание приглашались доценты, прослужившие в этом звании не менее двух лет. Остальных преподавателей – лекторов и приват-доцентов – следовало задействовать в двух случаях: когда рассматривалось дело, касавшееся преподававшихся ими предметов, и при испытаниях на ученую

степень кандидата или звание действительного студента (§ 10).

Председателем собрания являлся декан, которого избирали раз в три года преимущественно из ординарных профессоров. Выбор декана осуществлялся факультетом в присутствии членов университетского совета; избранного на эту должность кандидата утверждал министр просвещения (§ 8, прим. 1 и 2; § 42. В. № 1). Главная обязанность декана состояла в «ближайшем наблюдении за преподаванием факультетских предметов» (§ 22). Кроме того, он был постоянным членом университетского правления (гл. V. Отд. II, § 50), а следовательно, участвовал «в хозяйственных делах университета», разбирал «массу мелких студенческих дел и просьб»¹⁹ [10, с. 168].

Собрания факультетов происходили по мере необходимости. Каждый член факультета мог выступить с предложением об усовершенствовании «ученых и учебных предметов». Место отсутствовавшего председателя занимал «старший в профессорском звании из наличных членов факультета» (§ 11, 25).

Проанализировав функции факультетских собраний, мы можем сказать, что значение факультетских органов власти возросло, а их полномочия стали более весомыми и разнообразными. Усовершенствованные в главных направлениях осуществления академической деятельности, они могли нести ответственность за объем и качество предлагавшихся студенческой молодежи образовательных услуг.

Итак, мы рассмотрели «составные части университетского управления» (гл. I, § 5) и можем с уверенностью констатировать, что устав 1863 г. усилил действенность коллегиальных органов университетской власти, гарантировал их участие в решении широкого круга академических дел.

Он давал университетам возможность проявлять свою самостоятельность в делах внутреннего управления, укреплял прерогативы власти ректора (гл. IV, § 27–36), расширял, хотя и строго определял, пределы юридических полномочий как совета (гл. V. Отд. I, § 37–49), так и других органов университетского правления и их отношения между собой. Научные и учебные дела были переданы в ведение факультетских собраний (гл. II. Отд. III, § 23–25), хозяйственно-распорядительные функции были поручены правлению университета (гл. V. Отд. II, § 50–55), рассмотрение проступков студентов осуществлял университетский суд (гл. V. Отд. III, § 56–59),

контроль за исполнением правил, установленных для студентов и слушателей, был возложен на проректора (или инспектора) (гл. IV, § 63–67). Каждому из этих органов была предоставлена известная инициатива, наряду с долей власти, но все их действия подлежали утверждению или контролю совета университета. Расширение полномочий совета и ректора, в свою очередь, ослабляло влияние попечителей.

Следовательно, новый закон существования университетов был крупным шагом в направлении к институированию их самоуправления, или автономии, которую в XIX в. отождествляли с «республиканским устройством» [17, с. 57]. Средоточием внутреннего университетского управления, высшей его инстанцией стал совет профессоров, где укрепились принципы выборности, сменяемости, подотчетности, коллегиальности в обсуждении всех академических и административно-хозяйственных вопросов, коллективной ответственности за принятие решений. Через совет проходили все дела научного и учебного характера: порядок преподавания, присуждение ученых степеней, назначение стипендий студентам. Здесь избирали ректора и других представителей университетской администрации. Совет профессоров рассматривал финансовую смету университета, распоряжался специальными – самостоятельно заработанными – суммами, распределял государственные субсидии, предназначенные на развитие учебно-вспомогательных «пособий» факультетов.

Принцип университетской автономии наиболее ярко проводился при регулировании советом правил внутреннего распорядка: составлении инструкций о приеме студентов и их дисциплинарных обязанностях, о производстве испытаний на ученые степени, о стипендиях и награждениях студентов, о деятельности суда и проректора (инспектора).

К сожалению, и мы это вынуждены признать, университетам не удалось избавиться от надзора попечителей учебных округов; достаточно существенным оставалось и вмешательство министра народного просвещения. Многие важные вопросы научного и учебного характера, не говоря уже о финансовых и административных, хотя они и входили в круг деятельности университетских коллегиальных органов, не могли быть решены без санкций попечителя или министра. Избавившись от мелочной регламентации руководящих лиц, университеты получили взамен придирчивый контроль попечителей и бдительное наблю-

дение министра за осуществлением процесса их самоуправления. Это свидетельствовало о сохранявшемся недоверии к профессорской корпорации в предоставлявшейся ей возможности регулирования управленческими и академическими сферами жизни университетов, что вынуждало государство по-прежнему держать под прицелом все формы университетской самостоятельности.

Ограничения полномочий университетов, сохранившиеся в уставе, позволяют сделать вывод о том, что автономия университетов была урезанной, самоуправление – ограниченным. Но, по видимому, никаких других вариантов делегирования властных полномочий высшим учебным заведениям в условиях самодержавно-сословного строя и быть не могло, поэтому недооценивать нововведения устава 1863 г. все же не стоит. Идея самоуправления университетов была закреплена в законодательстве, и расширение границ влияния профессорской корпорации на строй и быт университетов становилось вопросом времени. Не случайно поэтому, большинство профессоров²⁰ дорожили уставом и ценили предоставленные им возможности участвовать в управлении университетской жизнью, использовать свое возросшее влияние на усовершенствование учебной и научной деятельности факультетов.

Библиографический список

1. Июля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 37–46.
2. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 1–43.
3. Штаты Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 44–55.
4. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев ; Изд. В. Г. Фон-Бооля. – М., 1897.
5. Головин А. В. Записки для немногих [Текст] / А. В. Головин // ВИ. – 1997. – № 1. – С. 98–119; № 2. – С. 96–114.
6. Никитенко, А. В. Дневник [Текст] : в 3 т. / А. В. Никитенко. – Т. 2. – 1858–1865. – М., 1955.
7. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст] / С. В. Рождественский. – СПб., 1902.
8. Университетский устав 1863 года [Текст]. – СПб., 1863.

9. Феоктистов, Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 [Текст] / Е. М. Феоктистов; ред. и прим. Ю. Г. Оксмана. – Л., 1929.

10. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет [Текст] / Б. Н. Чичерин ; под ред. С. В. Бахрушина, М. А. Цявловского. – М., 1929.

11. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года [Текст] / Под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.

12. Джаншиев, Г. А. Эпоха Великих реформ [Текст] / Г. А. Джаншиев. – Т. 1. – М., 2008.

13. Днепров, Э. Д. Образование и политика [Текст]: в 2 т. / Э. Д. Днепров. – Т. 1. – М., 2006.

14. История России XIX – начала XX в. [Текст] / под ред. В. А. Федорова. – 3-е изд. – М., 2002. – С. 103.

15. Капнист, П. Университетские вопросы [Текст] / Капнист П. // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1903. – Т. VI. – С. 167–218.

16. Кэссоу, С. Д. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения [Текст] / С. Д. Кэссоу // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992. – С. 317–334.

17. Щетинина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. [Текст] / Г. И. Щетинина. – М., 1976.

18. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической [Текст] / Р. Г. Эймонтова. – М., 1985.

19. Эймонтова Р. Г. Российские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века [Текст]. – М., 1993.

8. Universitetskij ustav 1863 goda [Tekst]. – SPb., 1863.

9. Feoktistov, E. M. Vospominaniya. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896 [Tekst] / E. M. Feoktistov; red. i prim. YU. G. Oksmana. – L., 1929.

10. Chicherin, B. N. Vospominaniya. Moskovskij universitet [Tekst] / B. N. Chicherin ; pod red. S. V. Bakhrushina, M. A. Tsyavlovskogo. – M., 1929.

11. Vysshee obrazovanie v Rossii: Ocherki istorii do 1917 goda [Tekst] / Pod red. V. G. Kineleva. – M., 1995.

12. Dzhanshiev, G. A. Ehpokha Velikikh reform [Tekst] / G. A. Dzhanshiev. – T. 1. – M., 2008.

13. Dneprov, EH. D. Obrazovanie i politika [Tekst]: v 2 t. / EH. D. Dneprov. – T. 1. – M., 2006.

14. Istoriya Rossii XIX – nachala XX v. [Tekst] / pod red. V. A. Fedorova. – 3-e izd. – M., 2002. – S. 103.

15. Kapnist, P. Universitetskie voprosy [Tekst] / Kapnist P. // Vestnik Evropy: ZHurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1903. – T. VI. – S. 167–218.

16. Kehssou, S. D. Universitetskij ustav 1863 g.: novaya tochka zreniya [Tekst] / S. D. Kehssou // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 / Pod red. L. G. Zakharovoj, B. EHKlofa, Dzh. Bushnella. – M., 1992. – S. 317–334.

17. SHHetinina, G. I. Universitety Rossii i ustav 1884 g. [Tekst] / G. I. SHHetinina. – M., 1976.

18. EHjmontova, R. G. Russkie universitety na grani dvukh ehpokh. Ot Rossii krepostnoj k Rossii kapitalisticheskoj [Tekst] / R. G. EHjmontova. – M., 1985.

19. EHjmontova R. G. Rossijskie universitety na putyakh reformy: shestidesyatye gody XIX veka [Tekst]. – M., 1993.

Bibliograficheskij spisok

1. Iyulya 26-go 1835 goda Vysochajshe utverzhdennyj obshhij ustav Imperatorskikh rossijskikh universitetov [Tekst] // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ikh ustavakh i vospominaniyakh sovremennikov. – Vyp. 1. Universitety do ehpokhi shestidesyatykh godov. – SPb., 1914. – S. 37–46.

2. Obshhij ustav Imperatorskikh rossijskikh universitetov [Tekst] // Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – S. 1–43.

3. SHtaty Imperatorskikh rossijskikh universitetov [Tekst] // Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – S. 44–55.

4. Buslaev, F. I. Moi vospominaniya [Tekst] / F. I. Buslaev ; Izd. V. G. Fon-Boolya. – M., 1897.

5. Golovnin A. V. Zapiski dlya nemnogikh [Tekst] / A. V. Golovnin // VI. – 1997. – № 1. – С. 98–119; № 2. – С. 96–114.

6. Nikitenko, A. V. Dnevnik [Tekst] : v 3 t. / A. V. Nikitenko. – Т. 2. – 1858–1865. – М., 1955.

7. Rozhdestvenskij, S. V. Istoricheskij obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1802–1902 [Tekst] / S. V. Rozhdestvenskij. – SPb., 1902.

¹ Наибольшей известностью пользовался патриарх отечественного университетского образования – Московский университет, основанный в 1755 г. Он находился в центре не только научной, но и общественно-культурной жизни Российской империи. Здесь издавалась одна из главных российских газет – «Московские ведомости». В середине XIX в. лучшим факультетом университета считался историко-филологический.

С.-Петербургский университет, открытый в 1819 г., к середине XIX в. также превратился в один из ведущих научных центров России, несмотря даже на то, что С.-Петербург был средоточием высших учебных заведений страны. Столичное положение университета имело свои преимущества, главным образом при замещении кафедр, хотя близость царской резиденции, канцелярий и министерств, а также III отделения сковывала его деятельность. Ведущим отделением университета был физико-математический факультет.

Казанский университет, учрежденный в 1804 г., был единственным высшим светским учебным заведением на всю обширную территорию Казанского учебного округа, простиравшегося от Урала до Астрахани. Он был тесно связан со столичными университетами и в некоторых отношениях не уступал им. Здесь работали пользовавшиеся мировой известностью математики, химики, астрономы; в первой половине XIX в. университет являлся одним из главных центров отечественного востоковедения.

Харьковский университет, основанный в 1805 г., был средоточием культурной жизни в своем учебном округе, куда входили Слободская Украина, Орловская, Воронежская, Курская, Полтавская, Николаевская губернии, область Войска Донского, Причерноморье. Как и С.-Петербургский и Казанский университеты, он пострадал во время политической реакции 20-х гг., но к середине XIX в. здесь уже были свои знаменитости на историко-филологическом, юридическом и медицинском факультетах.

Киевский университет имени Святого Владимира начал отсчитывать свою историю с 1833 г., после разгрома польского восстания 1830–1831 гг. и закрытия в связи с этим Виленского и Варшавского университетов. Большинство учащихся были украинцами и поляками, хотя преподавание велось на русском и отчасти латинском языках. В силу особого положения в западных губерниях Российской империи штат университета был особенно тщательно укомплектован; среди профессоров было немало знаменитых ученых [18, с. 34–37].

Дерптский университет, образованный в 1802 г., находился в «исключительном положении» и имел свой отдельный устав, Высочайше утвержденный в 1865 г. [5, № 2, с. 108]. В студенческом коллективе преобладали прибалтийские немцы и местные национальности Прибалтики. Лекции преимущественно читали немецкие профессора. Немецкий язык был языком обучения и делопроизводства. Организация учебного процесса строилась на немецких образцах, поэтому Дерптский университет развивался обособленно и заметно отличался от других российских университетских центров.

К периферийным научно-учебным центрам Российской империи относился и Гельсингфорский университет, основанный в 1827 г. Он находился на территории Финляндии, которая входила в состав Российской империи на особых правах. Этот университет не был связан с русскими и не подлежал, как они, ведению Министерства народного просвещения.

В 1865 г. общий университетский устав был распространен на вновь открытый Одесский (Новороссийский) университет, состоявший из трех факультетов [5, № 2, с. 109].

Незавидной была судьба Варшавского университета, закрытого в 1831 г., всего после пятнадцати лет его существования. Только в 1869 г. здесь были возобновлены занятия. Университет имел свой устав, отличавшийся большим консерватизмом по сравнению с уставом 1863 г. [11, с. 275–284].

² Далее ссылки будут делаться на это же издание.

³ Вопреки этой лестной характеристике министра, не все его ставленники оставили о себе хорошую память. Так, А. В. Никитенко был безжалостен к попечителю Казанского учебного округа, Ф. Ф. Стендеру, который, по его мнению, не заслужил высоких почестей, дарованных ему патроном: «Стендер, уволенный за неспособность от должности попечителя в Казани и живущий теперь за границей, получил чин тайного советника и аренду» [3, с. 538].

⁴ Ситуация конфронтации в Московском университете, возникшая по причине неопределенности границ полномочий попечителя и ректора, упоминается Б. Н. Чичериным. Когда Д. С. Левшин – «патриархальный генерал старого времени», не имевший «ни малейшего понятия ни о науке, ни о преподавании, ни о юридических требованиях», пользуясь своим правом попечителя, отказал в утверждении вновь избранного библиотекаря, ректор, С. И. Баршев, «не

принял бумаги к исполнению... и предложил совету сделать новое представление об утверждении библиотекаря» [10, с. 168, 178].

Настоящая «война» между попечителем и советом Московского университета, большая часть которого оказалась на стороне ректора, началась после того, как Д. С. Левшин, используя свое «право действовать с превышением власти», сделал совету замечание о нарушении законной процедуры избрания профессоров на новый срок. Попечитель потерпел поражение в этой борьбе и сам получил выговор от министра просвещения за неуместное вмешательство в работу университетских органов власти.

Перипетии этой «войны» подробно описаны Б. Н. Чичериным [10, с. 196–213].

⁵ Б. Н. Чичерин сообщает, что одним из способов приобретения профессорами знаков отличия было их заискивание перед ректором. После избрания ректором Московского университета С. И. Баршева (кстати сказать, это произошло только при вторичном баллотировании) у него появилась надежная опора в виде профессоров физико-математического и медицинского факультетов, которые составляли большинство университетского совета. Эта «господствующая партия... заискивала перед ним в ожидании наград и не могла нарадоваться своему представителю» [10, с. 80, 97, 102].

⁶ Такие случаи не были редкостью, и мемуары Б. Н. Чичерина, вынужденного отказать от преподавательской деятельности по принципиальной для него причине – из-за конфликта с ректором и большинством совета в связи с грубым нарушением ими университетского устава, – является тому подтверждением [10, с. 225–227].

⁷ Кстати сказать, идея университетского самоуправления импонировала даже министру просвещения А. В. Головнину, мечтавшему прослыть «либеральным и просвещенным» руководителем. По воспоминаниям Е. М. Феоктистова, Головнин стремился восстановить самоуправление университетов, так как считал, что «принцип самоуправления вообще принадлежит к числу тех, которыми должно дорожить всякое образованное общество». Условием применения этого принципа он называл блистательный состав профессоров университетов: «...Что нужно для успешного развития самоуправления? Не то ли, чтобы были привлечены к нему люди наиболее образованные, с наибольшим умственным развитием и высокими идеалами, а где же искать их как не в рассадниках науки – университетах? Вот почему я решил организовать наши университеты по возможности на основах широкого самоуправления» [9, с. 135].

⁸ Приват-доценты, имевшие степень магистра, как правило, проводили «семинарии» по утвержденной советом программе изучения той или иной дисциплины, помогая, тем самым, в организации учебного процесса профессорам. В отдаленном будущем они могли надеяться на занятие вакантных кафедр [11, с. 104].

⁹ В § 60 сказано: «Канцелярия университета состоит под управлением секретаря совета из чиновников по штату и служащих по найму. Штатными чиновниками считаются: секретарь правления, секретарь по студенческим делам, бухгалтер правления, архивариус» (гл. V. Отд. III).

¹⁰ Б. Н. Чичерин считал, что «выборное право дано совету единственно для пользы преподавания... Начальство утверждает избранного кандидата не потому только, что нет

формальных препятствий к выбору, а потому, что считает его достойным занять кафедру... Отдельные мнения имеют целью не пустое заявление, не одно ограждение ответственности членов, но, главным образом, всестороннее разъяснение дела, восходящего на высшее утверждение... Член может сделать возражение, которое совет не примет во внимание, но которое начальство сочтет достаточной причиной для отказа в утверждении [10, с. 188, 189].

Стремление группировки профессоров, составившей меньшинство совета Московского университета, любыми средствами доказать свою правоту, подробно рассматривается в воспоминаниях Б. Н. Чичерина. В конфликт «меньшинства» с «большинством» вынуждены были вмешаться и попечитель и даже сам министр просвещения» [10, с. 167–215].

А. В. Никитенко, также упомянувший об аналогичном случае в стенах Казанского университета, выражает негодование поведением меньшинства, «которое не только вздумало не уважать решения совета, но и формально воспротивилось ему и объявило письменно» [6, с. 321; 617, прим. 247].

¹¹ «Это было установлено именно с тем, – сообщает Б. Н. Чичерин, – чтобы парализовать слишком привычное для всякой замкнутой корпорации кумовство и очистить место для более свежих элементов» [10, с. 167].

¹² А. В. Никитенко, дважды прошедший такие выборы после достижения пенсионного возраста, очень переживал за их исход, который в конечном итоге зависел от личного отношения членов совета к баллотировавшемуся кандидату. Превышение черных шаров над белыми означало провал на выборах [6, с. 359, 361].

¹³ Заседания совета происходили чаще указанной в уставе периодичности. Даже трехнедельный перерыв в работе совета был явлением экстраординарным, предвестником каких-то важных событий или известий [10, с. 198].

¹⁴ А. В. Никитенко, не без брюзжания, сообщает о том, что заседания совета С.-Петербургского университета растягивались на несколько часов, поэтому он возвращался домой очень поздно: «В заседании совета университета прозаседал до десяти часов с шести, толкуя о многих бесплоднейших вещах» [6, с. 361].

¹⁵ Сошлемся на А. В. Никитенко, который подробно описывает такую ситуацию: «В это заседание [16 сентября 1863 г. – М. Н., Т. П.] я также поднял сильную борьбу с советом. В восточном факультете есть несколько исправляющих должность ординарного профессора, которые настоящими ординарными не могут быть, потому что не доктор». Вместо того чтобы озаботиться приобретением докторской степени, профессора факультета, высокомерно заявив, что «вся восточная наука сосредоточивается в С.-Петербургском университете», подготовили заявление о предоставлении им «докторской степени по причине их знаменитости в ученом совете». Рассерженный недостойным поведением коллег, А. В. Никитенко далее сообщает: «Надобно знать, что новый устав дает университетам право возводить знаменитых ученых, приобретших всеобщую известность своими учеными трудами [разрядка автора. – М. Н., Т. П.], прямо в степень доктора, без испытания. Что это за речи? Университет открыл в своем сословии вдруг пять знаменитостей, о которых, кроме его, никто не знает. Очевидно, этим хотят подорвать силу закона. Я воспротивился сильно против такого злоупотребления... Я принял твердое намерение не уступать и даже подать письменное мнение. Тут

может пострадать честь университета. Просто это нахальство восточных профессоров, которые сами себя производят в знаменитости» [6, с. 364].

¹⁶ Проректору назначалось добавочное жалованье размером в одну тысячу рублей; инспектор получал жалованье в полторы тысячи рублей и пятьсот рублей «столовых». Его квартира находилась в здании университета [6, с. 48 и прим.].

¹⁷ Специальные средства университета – это доходы от «слушания лекций» студентами и «посторонними лицами», от частных пожертвований и «вообще из разных специальных источников» (§ 52; 7, с. 422). Специальные средства составляли «неотъемлемую собственность» университетов (§ 42. А. № 10; § 109); их неизрасходованные остатки не могли в конце года отбираться в казну, как это делалось раньше [6, с. 186].

¹⁸ По уставу 1835 г. для контроля за поведением студентов попечитель университета назначал инспектора из гражданских или военных чиновников (§ 69). Он осуществлял «особенный и ближайший надзор за нравственностью всех учащихся в университете» (§ 71) и определял наказания студентам за совершенные ими проступки. Хотя инспектор, «надзирающий» за студентами, должен был руководствоваться «особыми наставлениями» (§ 75), юноши не чувствовали себя защищенными законом от придирок, самоуправства и самодурства инспекторов.

Такой порядок, когда не право, а «единоличные распоряжения и приказы» управлявших университетскими порядками лиц был положен в основу взаимоотношений начальников и их подчиненных, а также всех дисциплинарных регламентов, получил название патриархального, или патриархально-школьного строя в университетах [15, с. 188].

¹⁹ Б. Н. Чичерин считал должность декана очень обременительной. Главным неудобством, связанным с ее выполнением, он называл отсутствие возможности свободно распоряжаться своим временем, даже в каникулярный период [10, с. 168].

Декан имел прибавку к годовому жалованью в 600 рублей [3, с. 48].

²⁰ Любопытно, что далеко не все профессора понимали значение университетской автономии. Для кого-то этот вопрос вообще не представлял интереса. Сошлемся на известного в XIX в. филолога, профессора Московского университета, академика Ф. И. Буслаева. В своих воспоминаниях он писал: «Что же касается до университетской администрации, которая по новому уставу была вверена совету, состоящему из профессоров всех факультетов под председательством ректора, то она несколько меня не интересовала. Всякие протоколы, отношения, резолюции и другие канцелярские бумаги были для меня тарабарской грамотой, и я ни разу не соблазнился административною почестью декана или ректора, вполне довольствуясь званием только профессора, который отвечает сам за себя и ничего другого не хочет знать. Признаваясь вам в этих взглядах и поступках, я вовсе не желаю их оправдывать и хвалиться ими, будучи уверен, что многие из вас меня не одобряют. Но что же будешь делать. У меня не хватало гражданской доблести. Вероятно, я смешивал ее с чиновничеством, которое было мне не по нраву. Я мог сколько умел служить университету только своею наукою; других талантов за собою не знал» [4, с. 363, 364].